

Ю.К.Гугуев

ПОЛОВЕЦКОЕ СВАТИЛИЩЕ НА СЕВЕРСКОМ ДОНЦЕ (ПРОБЛЕМА РЕКОНСТРУКЦИИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ВИДА КУЛЬТОВОГО КОМПЛЕКСА)

Памятник, о котором пойдет речь в настоящей статье, публикуется третий раз (Гугуев Ю.К., 2001; Глебов В.П., 2004, с.101-106). Автор взялся еще за одно его издание, чтобы внести поправки в прежнюю интерпретацию святилища, особенно в той ее части, которая касается воссоздания первоначального облика культового комплекса. Ставший мне известным за прошедшие несколько лет сравнительный материал, а именно, курганные поминальные кыпчаки Казахстана (Ермоленко Л.Н. и др., 1985; Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К., 1992; Ермоленко Л.Н., 1994; Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К., 2002; Ермоленко Л.Н., 2004; Досымбаева А., 2002), не позволяет теперь столь однозначно, как ранее, трактовать архитектурные остатки, выявленные при раскопках донского святилища¹. Некоторые новые соображения будут высказаны и о найденном в нем изваянии.

Осенью 2000 г отряд Археологического научно-исследовательского бюро при Ростовском областном Совете ВООПиК раскопал четыре кургана могильника Репный I в Каменском р-не Ростовской обл. (рис.1). Могильник расположен в 2,3 км к западу от западной окраины пос.Васильевка. К моменту раскопок в нем насчитывалось 16 курганов, вытянутых цепью в направлении запад-северо-запад на 2,25 км по гребню водораздела, образованного Северским Донцом и его правым притоком рекой Лихая (рис.2). Курган 7 находился в центральной части группы и был самым высоким в могильнике. Задернованная насыпь кургана, сооруженная в несколько приемов

в эпоху средней и поздней бронзы, имела в плане вид овала, вытянутого по оси В-3. Ее вершина была смещена к востоку. Здесь на поверхности читалась слабовыраженная западина, образовавшаяся, как выяснилось впоследствии, в результате разрушения святилища. Размеры насыпи составляли 60×30 м, высота – 3,2 м.

Раскопки кургана осуществлялись бульдозером с оставлением контрольных бровок, ориентированных по линии С-Ю (некоторые с небольшим отклонением). После того как в первой восточной траншее бульдозер задел ковшом каменную кладку и половецкое каменное изваяние, работы в этой части насыпи продолжались вручную.

Здесь был вскрыт залегавший непосредственно под дерном сплошной панцирь (наброс камней в 2-3 слоя мощностью до 0,6 м) из дикарного известняка, сланца и серого песчаника, связанный, вероятнее всего, с финальной досыпкой кургана в эпоху поздней бронзы (рис.3). В плане панцирь имел форму квадрата с закругленными углами и был ориентирован сторонами почти строго по сторонам света. Его размеры составляли 13×13 м (без учета камней, которые оползли по крутому северному склону насыпи). Глубина залегания камней колебалась от 0,15 м в центре² до 1,0 м в восточной и западной частях и 1,54 м в южной части панциря; в северном секторе камни сползли до уровня 2,45 м. В бровках было видно, что панцирь располагался на полусферической вершине насыпи и, возможно, был ограничен по периметру ровиком шириной 1,0-1,5 м и глубиной

¹ В первой публикации содержалась лишь словесная характеристика того, как могло бы выглядеть святилище до его разрушения. Теперь мы приводим графическую реконструкцию обоих возможных вариантов первоначального вида комплекса.

² Все глубины, за исключением особо оговоренных случаев, указываются от репера (Ro).

0,2-0,5 м от уровня, с которого был вырыт. Ровик был заполнен камнями, попавшими в него в процессе оползания наброса.

В центральной части панциря, со смещением к северу, располагались остатки половецкого святилища – прямоугольной в плане постройки, ориентированной длинной осью по линии В-З. Она была заглублена до 1,0 м; отрытый под нее котлован, форму и размеры которого выявить не удалось, прорезал финальную досыпку кургана. Скорее всего, для сооружения постройки половцы использовали камень, выбранный из панциря.

Внутреннее пространство постройки почти по всей ее площади и на всю глубину было завалено камнем (рис.4), а в промежутках заполнено довольно плотным (затечным) темно-серым гумусированным грунтом с тончайшими белесыми прожилками солей. Он заметно отличался от окружавшей его насыпи бронзового века по структуре и цвету. Между камнями попадались также комки светло- и серо-желтого суглинка, непохожего ни на остальное заполнение котлована, ни на насыпь эпохи бронзы³. В завале были найдены немногочисленные кости животных: запястная быка домашнего, фрагмент тазовой овцы-козы, зуб (МЗ) верхней челюсти лошади 10-12 лет⁴. В центре завала на глубине 0,68 м в горизонтальном положении лицевой стороной вверх залегал широтно ориентированный верхний обломок (голова, плечи, грудь, руки и живот) каменной статуи. Рядом вглубь завала почти вертикально уходил обломок этой же статуи (кафтан, ноги, пьедестал), а к северо-востоку от него среди камней был обнаружен небольшой фрагмент головного убора скульптуры (описание статуи см. ниже).

После разборки завала обнажились остатки стен, пол постройки и вход в нее (рис.9). Охарактеризуем их подробно.

Южная стена (рис.5, разрезы В-Г, И-К, фас Н-О; рис.10). Сохранилась в длину на 2,9 м. В середине стены ее основание залегало на глубине 1,0 м. К востоку и к западу этот уровень постепенно повышался. Остатки восточной части стены, вероятно, почти полностью разобранной, были уничтожены бульдозером. В попавшей в центральную бровку западной части стены сохранилось десять рядов камней на высоту 0,85 м от дна котлована. Верхние ряды слегка выступали к северу⁵, вероятно, сдвинулись внутрь постройки. Внизу стена была вертикальной и имела толщину до 1,0 м.

Западная стена (рис.5, разрез А-Б). Длина по внутреннему фасу составляла 2,6 м. Основание залегало на глубине 0,80-0,85 м на уступе дна котлована. Северная часть стены была вертикальной и имела толщину 0,8 м. Здесь уцелело три ряда камней на высоту 0,3 м. В южной части сохранилось три-пять рядов камней, но они, начиная с самого нижнего, были сильно наклонены внутрь постройки. Возле юго-западного угла во внутреннем фасе стены, по-видимому, имелась неровность (“ниша”).

Северная стена (рис.5, разрезы В-Г, Д-Е, Ж-З). Длина по внутреннему фасу составляла 4,5 м. Основание залегало на глубине 1,0 м. Повсеместно стена была вертикальной. Ее толщина составляла около 1 м. В стене сохранилось три-пять рядов камней на высоту до 0,5 м. Примерно посередине внутреннего фаса стены, чуть ближе к северо-западному углу, стояла на ребре треснувшая в нескольких местах крупная (1,8×0,5×0,07 м) песчаниковая плита.

Восточная стена (рис.5, разрез Ж-З). Уцелел лишь очень короткий (длина – 0,5 м) ее участок между северо-восточным углом и входом в постройку. Основание залегало на глубине 1,0 м. Стена была вертикальной и имела толщину не менее 0,8 м. В ней сохранилось два ряда кам-

³ Именно при обнаружении комков суглинка у автора этих строк возникла догадка о том, что некогда святилище представляло собой сооружение со сложенными на глинистом растворе каменными стенами. С данного момента в качестве стратегии раскопок была избрана постепенная и аккуратная разборка завала, начиная от его условного центра, маркированного обломками статуи, к краям и вглубь, с целью поиска стен.

⁴ Здесь и далее остеологические определения выполнены канд. биол. наук доцентом кафедры общей биологии Ростовского государственного педагогического университета Ю.Я.Мягковой.

⁵ Данный факт не нашел отражения на разрезе (рис.5, разрез И-К), т.к. последний был проложен через ровный участок фаса, но заметен на фотографии (рис.10).

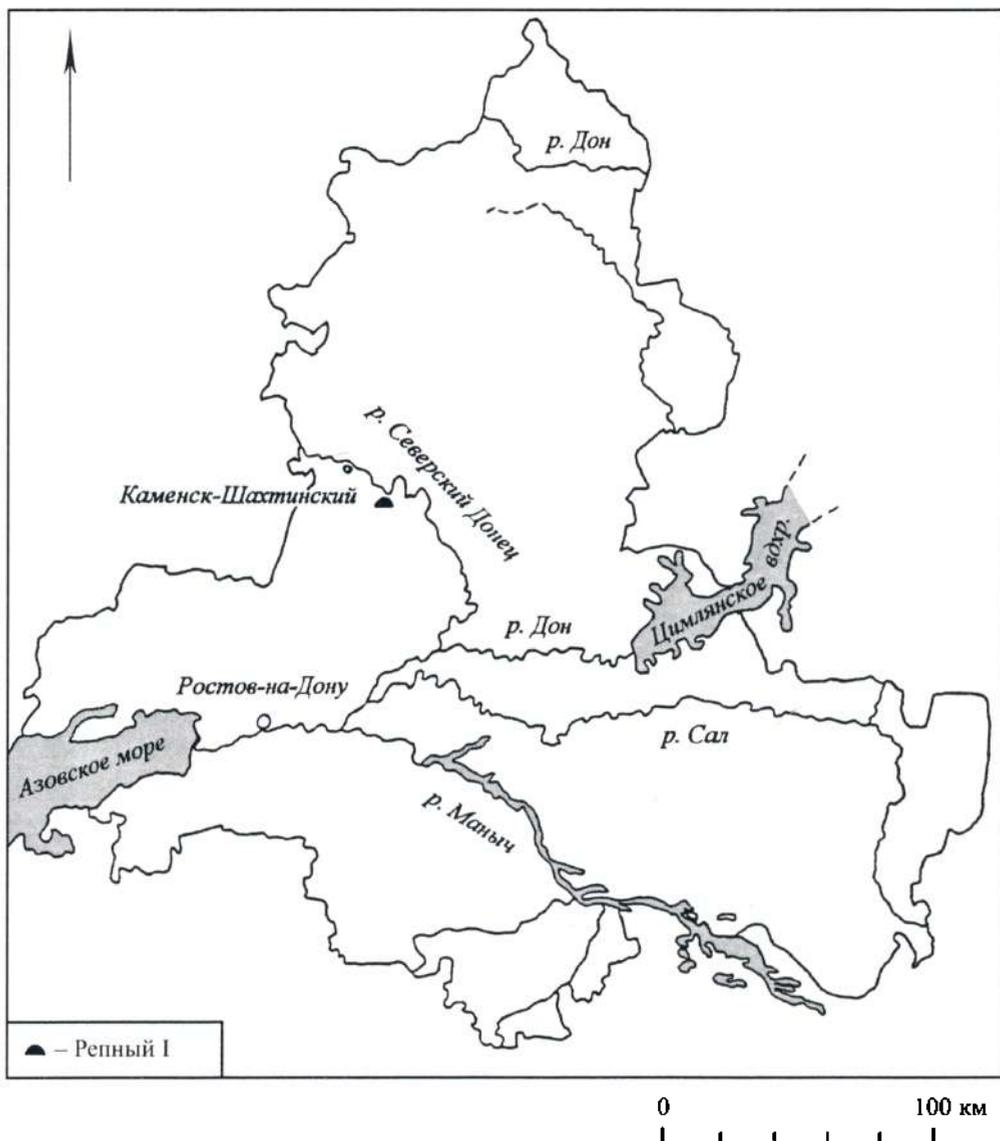

Рис. 1. Ростовская область. Местонахождение могильника Репный I.
 Fig. 1. Rostov province. Location of Repnyi I burial ground

ней на высоту 0,4 м. К югу от входа кладка не прослеживалась, несмотря на то, что данный участок попал в первую восточную бровку и не был поврежден бульдозером. Вероятно, здесь стену уложили прямо поверх панциря эпохи поздней бронзы (на рис.5 он показан пунктиром), и она оказалась полностью уничтожена позднейшей выборкой камня. Косвенно на такую возможность указывало значительное (не менее 0,35 м) повышение уровня основания южной стены от ее середины к востоку.

Там, где это прослеживалось, стены были сложены впереплет друг с другом; при этом основание северо-западного угла постройки оказалось слегка скругленным. Кладка из плоских плит и камней, от крупных (0,8×0,6×0,2 м) до небольшого размера, была постелистой, однолицевой (выравнивались только внутренние фасы стен), шириной в один-три камня (около 0,8 м). В качестве связующего материала служил раствор из глины с примесью мелкого песка. Особен-

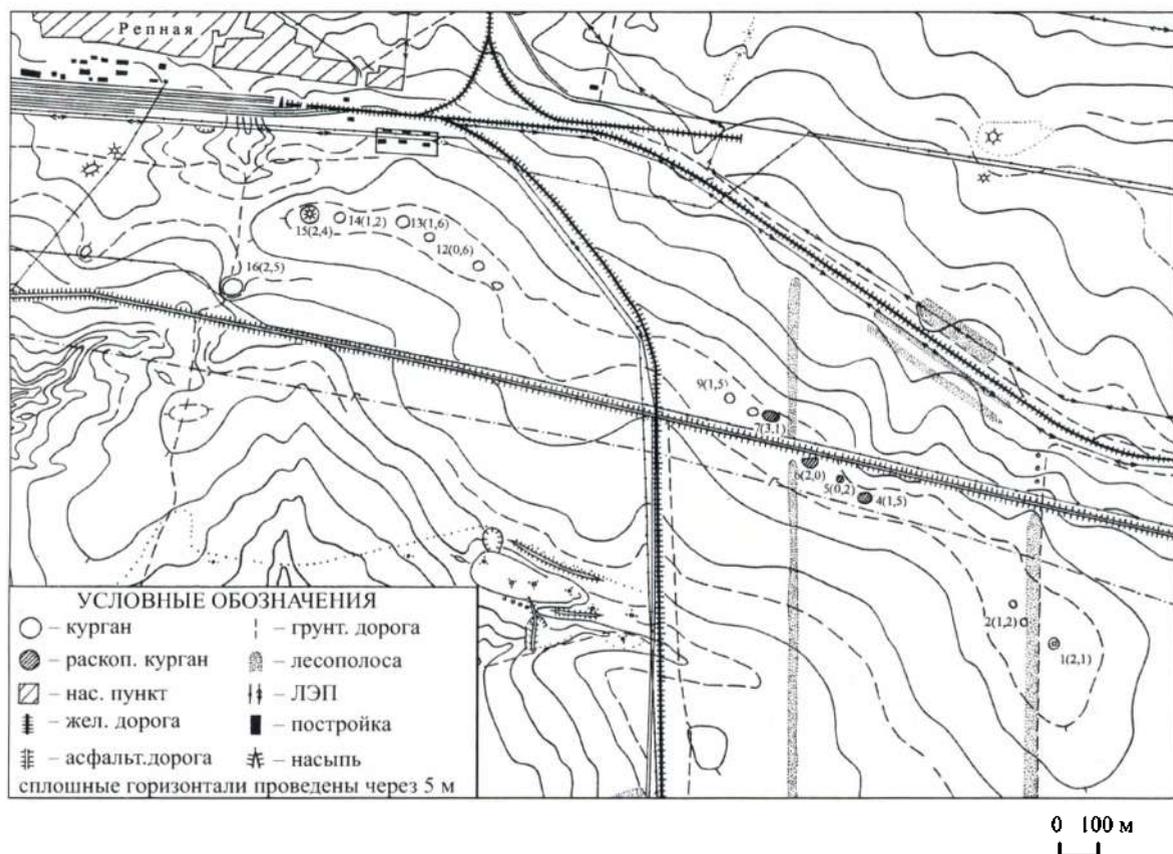

Рис. 2. План могильника Репный I.
Fig. 2. The layout of Repnyi I burial ground

но отчетливо остатки раствора в виде тонких светло-желтых прослоек фиксировались между тремя крупными плоскими камнями в основании западной стены (рис.5, *разрез А-Б*). Кое-где на внутреннем фасе стен сохранились участки обмазки, сделанной, скорее всего, этим же раствором. Здесь он имел, как правило, более темный цвет, но все же улавливался при зачистке ножом, будучи немного плотнее грунта внутри постройки. Особенно мощный (более 20 см толщиной) слой обмазки был зафиксирован на западной стене у самого юго-западного угла, где посредством раствора строители святилища, по-видимому, сгладили неровность ("нишу") в кладке. В других местах мощность этого слоя не превышала 5-10 см.

Вход (рис.4, *разрез Ж-З*; рис.5, *разрез Ж-З*; рис.12). Был устроен в восточной стене, по-видимому, с небольшим смещением к северо-восточному углу. Северная его граница

маркировалась двумя небольшими поставленными на ребро камнями, располагавшимися в линию. Один из них вплотную примыкал к торцу стены, другой, касавшийся первого, находился уже внутри постройки. На полу входа и у входа снаружи постройки панцирь эпохи поздней бронзы был разобран до уровня поверхности земляной насыпи; фиксировавшиеся здесь отдельные разрозненные камни происходили, вероятно, из разрушенной восточной стены постройки. Южной границей входа являлись, скорее всего, камни панциря, служившие основанием несохранившейся южной части этой стены. Таким образом, ширина входа, по-видимому, составляла 0,8 м

Пол (рис.5, *разрезы А-Б, В-Г, Д-Е, Ж-З*; рис.11). В центре постройки фиксировался на глубине 1,01-0,95 м, был горизонтальным и местами выложен мелкими плоскими камнями. По направлению к западной и южной стенам его поверхность плавно повышалась

на 0,2-0,25 м. Ближе к восточной стене в полу имелась большая неглубокая яма аморфных очертаний (размеры 1,4×0,7 м, глубина – 0,2 м от уровня пола), а сразу за ней, приблизительно в 1 м от внутреннего фаса стены, пол ступенчато повышался на 0,2 м. У входа он был практически горизонтальным. Почти везде его подмазали слоем светло- и серо-желтой глины, толщина которого в центре постройки равнялась 3-5 см, а к стенам, особенно к западной и южной, постепенно увеличивалась до 10 и более см. Местами этот слой поднимался на стены, образуя одно целое с их обмазкой. При зачистке он повсюду выглядел монолитным; никаких отслаивающихся друг от друга прослоек, различных по плотности и цвету в нем не прослеживалось. Между ступенькой и входом в постройку обмазка на поверхности пола, по-видимому, отсутствовала.

В середине постройки, с некоторым смещением к северной стенке, т.е. прямо напротив входа, располагался врытый вертикально с небольшим наклоном к западу нижний обломок упомянутой каменной статуи (рис.4, *разрез А-Б*; рис.5, *разрез А-Б*; рис.11). Изваяние было установлено вертикально лицевой стороной к востоку в специальную яму овальной в плане формы, вырытую в дне котлована и имевшую размеры 0,90×0,75 м. Глубина ямы от поверхности пола составляла 0,40-0,45 м. Для того, чтобы придать скульптуре устойчивость, в щель между обратной стороной пьедестала и стенкой ямы были вставлены три небольших плоских камня, затем яма была засыпана и затрамбована. Ясно различимого слоя глинистой обмазки над нею выявлено не было. После установки скульптуры подножка пьедестала оказалась примерно на уровне поверхности пола или чуть выше нее.

При разрушении святилища или впоследствии изваяние, изготовленное из крупнозернистого, покрытого многочисленными кавернами серо-желтого ракушечника, было сильно повреждено. Его сломали пополам (излом прошел наискось из района живота и рук с кубком через бедра до уступа на обратной стороне пьедестала), отбили левую часть головы и фрагмент головного убора, сбили лицо. В левом плече и руке фигуры имелись сквозные трещины (рис.13). Кроме того, при раскопках бульдозер стесал грудь и живот, а

также кубок, кисти и предплечья. Тем не менее, общая морфология, иконография, многие детали костюма, а также некоторые технологические приемы, с помощью которых высечено изваяние, вполне определимы.

Статуя (рис.6) женская, стоящая, абрис 2 типа, выполнена в технике круглой объемной скульптуры (Плетнева С.А., 1974, с.55-56). На голове – шляпа с резко выделенными, толстыми, почти горизонтальными полями (Плетнева С.А., 1974, с.38, рис.14, 1). Лицо обрамляют рубчатые полукруги – так называемые рога (Плетнева С.А., 1974, с.41-42). В ушах, показанных рельефными дужками, – кольчатые серьги с напускной бусиной (Плетнева С.А., 1974, с.45, рис.14, 14) или дутой крупной нанизкой (Плетнева С.А., 1974, с. 45, рис. 14, 15). На верхней части груди – две витые гривны (Плетнева С.А., 1974, с.45-46, рис.20, 13) и пелерина (Плетнева С.А., 1974, с.50) (?) со слабо изогнутым нижним краем; ее боковые края, изображенные на внешней стороне плеч, вертикальные, подчеркнуты полосой. На руках – широкие поперечные нашивки (Плетнева С.А., 1974, с.34-35, 50, рис.12, 11-13), обозначенные парой горизонтальных желобков. На затылке – украшение в виде двух соприкасающихся вершинами ромбов (Плетнева С.А., 1974, с.41-42). С головы на спину спускаются два расходящихся книзу футляра для кос, по-видимому, без лопасти (Плетнева С.А., 1974, с.38, рис.16, 2). Низ спины подчеркнут горизонтальным выступом. Бедра в профиль изображены с незначительным отклонением от вертикали, из-за чего создается впечатление, что фигура полусидит или стоит, слегка подогнув колени и прислонившись к пьедесталу. Показанные желобками полы кафтана расходящиеся, со скругленными углами, подол двойной. Из-под него выглядывает подол нижней рубахи без разреза (Плетнева С.А., 1974, с.35-37, 49-51). На ногах, упирающихся в невыступающую наклонную подножку, сапоги.

Любопытная технологическая особенность изваяния – уступ на обратной стороне пьедестала, расположенный в 20 см ниже выступа, которым подчеркнут низ спины. Пьедестал, таким образом, как бы выдвинут на 10 см вперед относительно фигуры, и его задняя сторона не является непосредственным про-

должением спины антропоморфа, как у других половецких статуй. Не исключено, что такое отклонение от стандарта было обусловлено крупным сколом целого слоя (толщиной не менее 10 см) камня, имевшимся, возможно, на одной из сторон плиты-заготовки и дошедшим почти до половины ее длины. В таком случае поперечный затес, которым оформлена "ступенька" на обратной стороне статуи, следует рассматривать как прием, позволивший ваятелю сгладить рваный край скола. Однако самую плоскость отслаивания резчик практически не обработал, вследствие чего тыльная сторона пьедестала (особенно вверху) очень неровная, а низ ее "приострел" для удобства установки изваяния. На обработанных гораздо тщательнее боковых гранях пьедестала есть затесы, также, по-видимому, скрывшие первоначальные дефекты плиты.

Общая высота статуи – около 2,4 м (фигуры – около 1,95 м, пьедестала – 0,45 м). Максимальная ширина фигуры – 0,67 м, пьедестала – 0,65 м. Максимальная толщина фигуры – 0,33 м (в действительности, вероятно, была на несколько см больше за счет выдающихся вперед живота и кубка, которые стесаны бульдозером), пьедестала – 0,2 м.

В 0,4 м к востоку от входа в постройку, в свободном от камней пространстве, находилась округлая в плане яма с плохо прослеживавшимися стенками, имевшая глубину 0,22 м от поверхности земляной насыпи эпохи поздней бронзы (рис.4, *разрез А-Б*; рис.5, *разрезы А-Б, Л-М*; рис.12, 14). На дне ямы лежали небольшие плоские камни, а на них – кости низкорослой (134 см) лошади старше 5 лет: нижняя челюсть, плечевая и бедренная левой ноги, коленная чашечка. В 3,0-3,5 м к северо-востоку от ямы среди камней была найдена грифельная кость лошади. Поскольку панцирь рядом с нею был нарушен, здесь, возможно, имелась еще одна неглубокая яма.

Между камнями в южной и восточной частях панциря были обнаружены берцовая и левая пястная кости быка домашнего. Не известно, связаны ли они с ритуалами, совершавшимися кыпчаками возле святилища, или относятся к позднему бронзовому веку.

В предыдущих публикациях (Гугуев Ю.К., 2001; Глебов В.П., 2004, с.101-106) не уделялось должного внимания вопросу о ка-

менном панцире и ровике, имеющему непосредственное отношение к проблеме воссоздания первоначального облика святилища. Панцирь, как было сказано, связан с заключительной досыпкой кургана в эпоху поздней бронзы. Подобные каменные набросы обнаружены еще на двух исследованных курганах могильника Репный I. Как и на кургане 4, они перекрывали наиболее высокую восточную часть насыпи (Глебов В.П., 2004, с.108). Однако срубные панцири редко имеют квадратную форму и практически никогда не сопровождаются ровиками. Возможно, изменение формы панциря, который в эпоху средневековья, несомненно, уже был задернован, произошло в результате прокопки половцами квадратного в плане ровика, выделившего в пределах существующей курганной насыпи сакральное пространство нового культового комплекса. Ориентированные по сторонам света квадратные каменные конструкции типичны для половецких святилищ правобережного Подонья и Северного Приазовья (Гугуев Ю.К., Гуркин С.В., 1999, с.13, рис.11, с.16-17).

Публикуя описанный памятник в первый раз, автор предположил, что до разрушения центральная часть святилища представляла собой невысокий широтно ориентированный каменный дом с входом с восточной стороны. Внутри дома стояла обращенная лицом к востоку каменная статуя. Если толщина верхней части стен соответствовала толщине их заглубленной в насыпь нижней части (0,8-1,0 м), то длина дома должна была бы составлять 6,1 м, ширина – 4,6 м. Крыша не могла располагаться ниже верхушки головного убора установленного вертикально изваяния. Таким образом, высота дома составляла бы не менее 1,95 м от пола в центральной его части (высота изваяния за вычетом его вкопанного в насыпь пьедестала) или 0,95-1,0 м от вершины кургана.

Главным аргументом в пользу такого варианта реконструкции первоначального вида культового комплекса мне тогда казалось наличие глинистой обмазки на внутренних фасах стен и понижающемся к центру полу, поскольку при отсутствии крыши в дождливую погоду этот изолирующий слой задерживал бы влагу внутри постройки. Кроме того, в известном пассаже Гильома де Рубрука, посвя-

ценном погребальным и поминальным обрядам монголов и половцев и внешнему виду их “могил”, упомянуты “каменные дома” (Гугуев Ю.К., 2001, с.79-80).

По-видимому, такая реконструкция (рис.7) и сейчас не лишена прав на существование. Однако предпочтительнее все же другой вариант, который можно обосновать посредством сопоставления святилища из могильника Репный I с курганными культовыми комплексами кыпчаков – близких родственников половцев южнорусских степей. К настоящему времени на территории Центрального Казахстана, Восточного Казахстана и Семиречья исследовано несколько разновидностей культовых объектов XI-XII вв., из которых происходят каменные статуи кыпчакского облика – полнофигурные изображения человека с сосудом в обеих руках, а также погрудные изображения (Ермоленко Л.Н., 2004, с.31-32, табл.19). Выделяется четыре типа таких комплексов, два из которых особенно интересны для нашей темы. Тип I представляет собой курганообразные сооружения, в средней части которых выступают верхушки изваяний. Исследованные памятники такого типа содержали под насыпью ориентированную по сторонам света замкнутую ограду, стены которой построены из плоских камней, уложенных слоями (рядами). Всего насчитывается до 6 рядов камней, высота стен не превышает 0,5-0,7 м. Как и в святилище из могильника Репный I, кладка скреплялась раствором, сохранившимся между камнями в виде тонких прослоек серовато-коричневого земляного заполнения (Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К., 2002, с.79). Внутри ограды, лицом в восточный и южный секторы, установлено от двух до пяти изваяний (Ермоленко Л.Н., 2004, с.34-37, табл.19, рис.18, 19, 45-47). Тип 2 является некоторым усложнением вышеописанного: помимо ограды с изваяниями, он включает также большее по размерам курганообразное каменное сооружение (Ермоленко Л.Н., 2004, с.37, табл.19, рис.10, 11). Хотя памятников обоих типов раскопано пока немного, они, по-видимому, весьма широко распространены в казахстанских степях (Ермоленко Л.Н., 2004, с.34; Новгородова Э.А., 1989; Досымбаева А., 2002).

Это наводит на мысль, что состоящие из слоев постелистой кладки и сохранившиеся на высоту не более 1 м стены половецкого святилища из могильника Репный I, скорее всего, образовывали *оградку*, а не являлись нижней частью постройки с крышей. Весь же комплекс может быть реконструирован как слегка заглубленная в насыпь кургана прямоугольная оградка с изваянием, жертвенной ямой и входом с востока, расположенная в центре обведенной ровиком квадратной каменной конструкции (рис.8).

Если это так, то наиболее близким конструктивным аналогом публикуемому оказывается центральноказахстанское кыпчакское святилище I типа на реке Жинишке (Актагайский р-он Карагандинской обл.). Его оградку также окружал ровик, в северо-восточной стене оградки имелся вход, а внутри камеры перед изваяниями – яма, в которой обнаружены угли, сажа, куски истлевшей древесины и кости животных. Правда, вход и жертвенную яму устроили позднее (Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К., 2002, с.80), но нельзя исключить, что вторичное использование комплекса также связано с кыпчаками⁶.

Основываясь на стратиграфических и некоторых других наблюдениях, Л.Н.Ермоленко убедительно доказала, что святилище на р.Жинишке и подобные ему кыпчакские культовые объекты 1 и 2 типов были поминальниками краткосрочного действия, засыпавшимися землей и камнем по окончанию обряда. Покойный, душа которого, с точки зрения устроителей поминок, пребывала в статуе, отождествлялся с мифическим предком кыпчаков, обретая тем самым присущую последнему способность к вечному возрождению (бессмертию). А поскольку предок-прародитель, согласно зафиксированным письменными источниками общетюркским генеалогическим легендам, появляется из дупла родового дерева или пещеры в родовой горе, конструктивно “скрытые” святилища “моделировали” именно эти атрибуты мифа; даже расположение на местности таких комплексов подчас могло быть продиктовано соответствующими элементами мифологического повествования (Ермоленко Л.Н., 1994; 2004,

⁶ Устное сообщение Л.Н.Ермоленко.

с.65-67; Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К., 2002, с.78, 87).

Поэтому особое значение обретают те конструктивные особенности нижнедонского святилища и зафиксированные в нем остатки ритуала, которые могут быть истолкованы в качестве свидетельств недолгого срока действия комплекса и его преднамеренного разрушения самими участниками церемонии. На эти факты автор уже обращал внимание в предыдущей публикации. На полу возле статуи и в целом внутри постройки отсутствовали какие-либо следы многократно повторявшихся ритуалов (например, залегающие на разных уровнях кости животных, керамика и т.п.). Не зафиксировано также никаких подновлений обмазки помещения: они, вероятно, были бы сделаны, если бы святилище функционировало в течение длительного времени. В заполнении возле западной стены постройки (над полом, но не на нем) был найден зуб верхней челюсти лошади. По своим морфологическим признакам он вполне мог принадлежать той самой особи, кости которой были обнаружены в яме у входа за пределами святилища. Но если зуб оказался в завале в момент разрушения постройки и поломки статуи, то именно эти действия могли сопровождаться приношением жертвенного мяса, подобно тому, как в половецких святилищах с очень кратким сроком функционирования "кормление" идолов осуществлялось перед засыпкой ям землей или непосредственно в ее ходе (Гугуев Ю.К., 2001, с.80).

Если оградку предназначали для проведения *только одного ритуала*, то ее создателям нечего было опасаться, что возле статуи периодически будет скапливаться вода. Таким образом, обмазку пола и стен внутри святилища, которая ранее трактовалась автором этих строк как косвенное доказательство наличия крыши, возможно, следует расценивать просто как несколько избыточный (не обусловленный ритуальными функциями всего сооружения) строительный прием.

В предыдущей публикации автор отнес происходящую из святилища статую к под-

типу "б" типа V ("женские полусидящие") и, отметив определенную непоследовательность в классификации С.А. Плетневой при делении скульптур на подтипы, высказал мысль, что так называемые полусидящие статуи можно было бы выделить в самостоятельный тип (Гугуев Ю.К., 2001, с.77, сноска 7). Оказывается, именно по этому пути шли К.И.Красильников и Л.И.Тельнова, разработавшие классификацию средневековых изваяний Подонцовья, которая отличается от схемы С.А.Плетневой. "Полусидящими" (тип IV) они предлагают называть мужские и женские статуи, у которых "угол изгиба между вертикально поставленным туловищем и наклонно расположенными по отношению к туловищу ногами" составляет 130-150° (Красильников К.И., Тельнова Л.И., 2000, с.229, 230, табл.VI). Большинство таких скульптур похожи на сидящие тем, что их ноги изображены открытыми. Однако среди них есть фигура, аналогичная найденной в публикуемом нами памятнике: ее ноги закрыты полами кафтана, как у стоящих изваяний (Красильников К.И., Тельнова Л.И., 2000, табл.VI, 91). Подобные экземпляры приведены и в своде С.А.Плетневой (например, кат. №№ 123, 336).

Вообще, количественный критерий, на основании которого К.И.Красильников и Л.И.Тельнова попытались выделить "полусидящие" статуи, не вполне ясен. Во-первых, угол между прямой "линией туловища" и кривой "линией ног" у фигур, воспринимающихся как сидящие и "полусидящие", можно измерять по-разному. Во-вторых, даже если методика измерения была упорядочена, не вполне понятно, почему выбран именно такой диапазон градусных значений (а к примеру, не 110-170°). Все это может вызвать путаницу при распределении скульптур по типам⁷. Наконец, выделение "полусидящих" статуй в особый тип пока не подкреплено какими-то дополнительными аргументами морфологического или иного порядка: у этих скульптур нет свойственной по преимуществу им атрибутики, похоже, нет своего ареала и т.п. Вероятно, было бы правиль-

⁷ К сидящим или "полусидящим" изваяниям следует относить №№ 23, 123, 327, 342, 683, 900, 911 из свода С.А.Плетневой? Статуи №№ 246, 1111, 1153, по С.А.Плетневой, статуя № 17 в каталоге К.И.Красильникова и Л.И.Тельновой, публикуемое нами изваяние "полусидящие" или стоящие?

нее распределять такие изваяния по надежно установленным типам (фигуры с открытыми ногами – сидящие, а те, у которых изображены полы кафтана – стоящие), как поступали при построении своих типологий Г.А.Федоров-Давыдов и Л.С.Гераськова (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.166-186; Гераськова Л.С., 1991, с.34-53).

Таким образом, статую из публикуемого комплекса, по-видимому, следует отнести к типу IIIб, который С.А.Плетнева датирует XII – нач.XIII в., как и весь массив круглой объемной скульптуры (Плетнева С.А., 1974, с.65, рис.35, с.70). Однако, если святилище из мо-

гильника Репный I действительно аналогично казахстанским оградкам, то реальная дата его сооружения, вероятнее всего, приходится на начало указанного периода.

Конструктивное сходство донского святилища с рядом синхронных ему или несколько более ранних культовых комплексов Казахстана – еще один аргумент в пользу религиозной и культурной близости азиатских кыпчаков и половцев южнорусских степей, хотя, разумеется, нельзя отрицать, что между ними, как теперь выясняется, могли существовать и этнические различия (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005, с.125-134, 135-142).

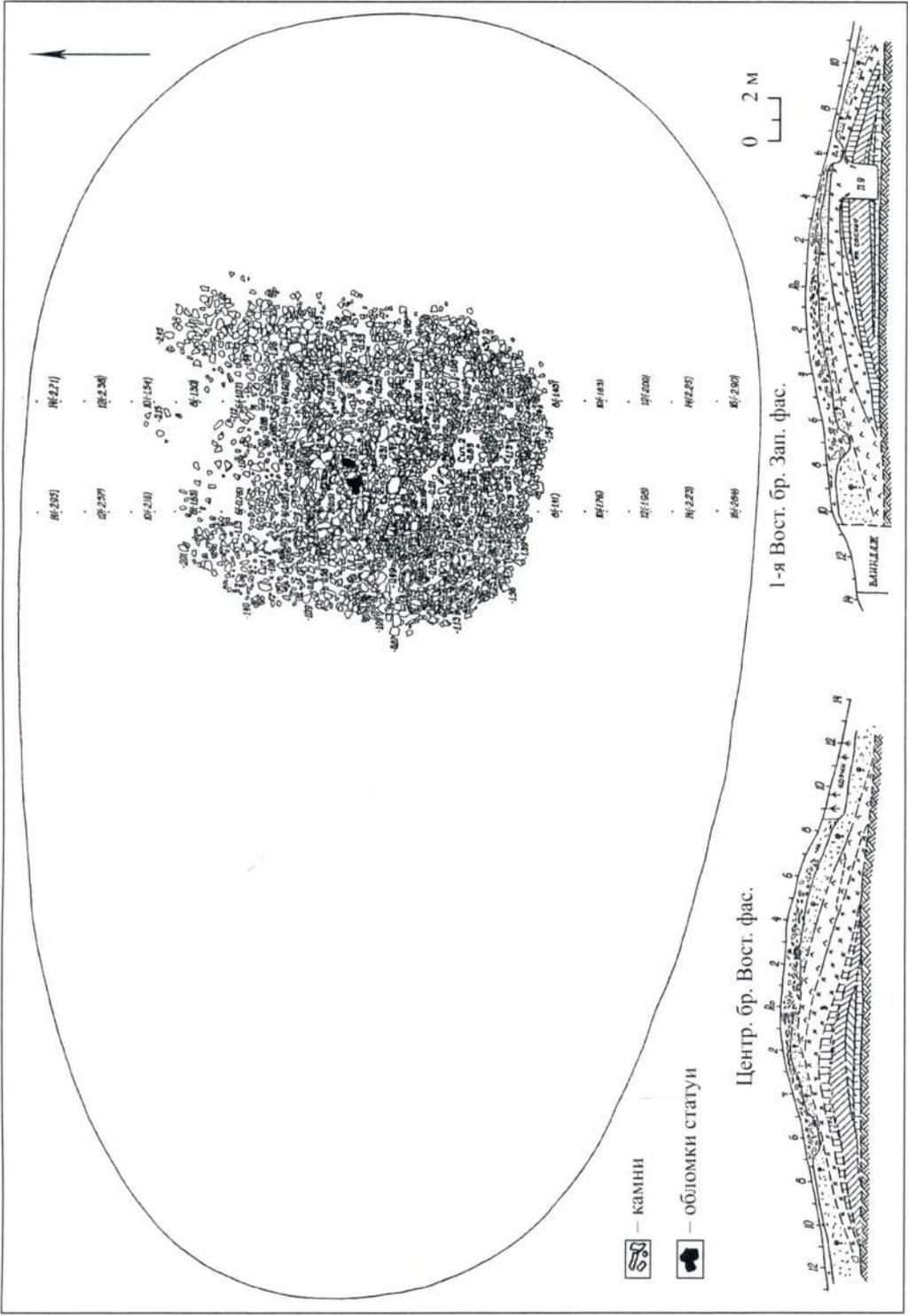

Рис. 3. План и профили кургана 7 могильника Репный I.
 Fig. 3. The layout and sections of barrow 7 of Rypnyi I burial ground

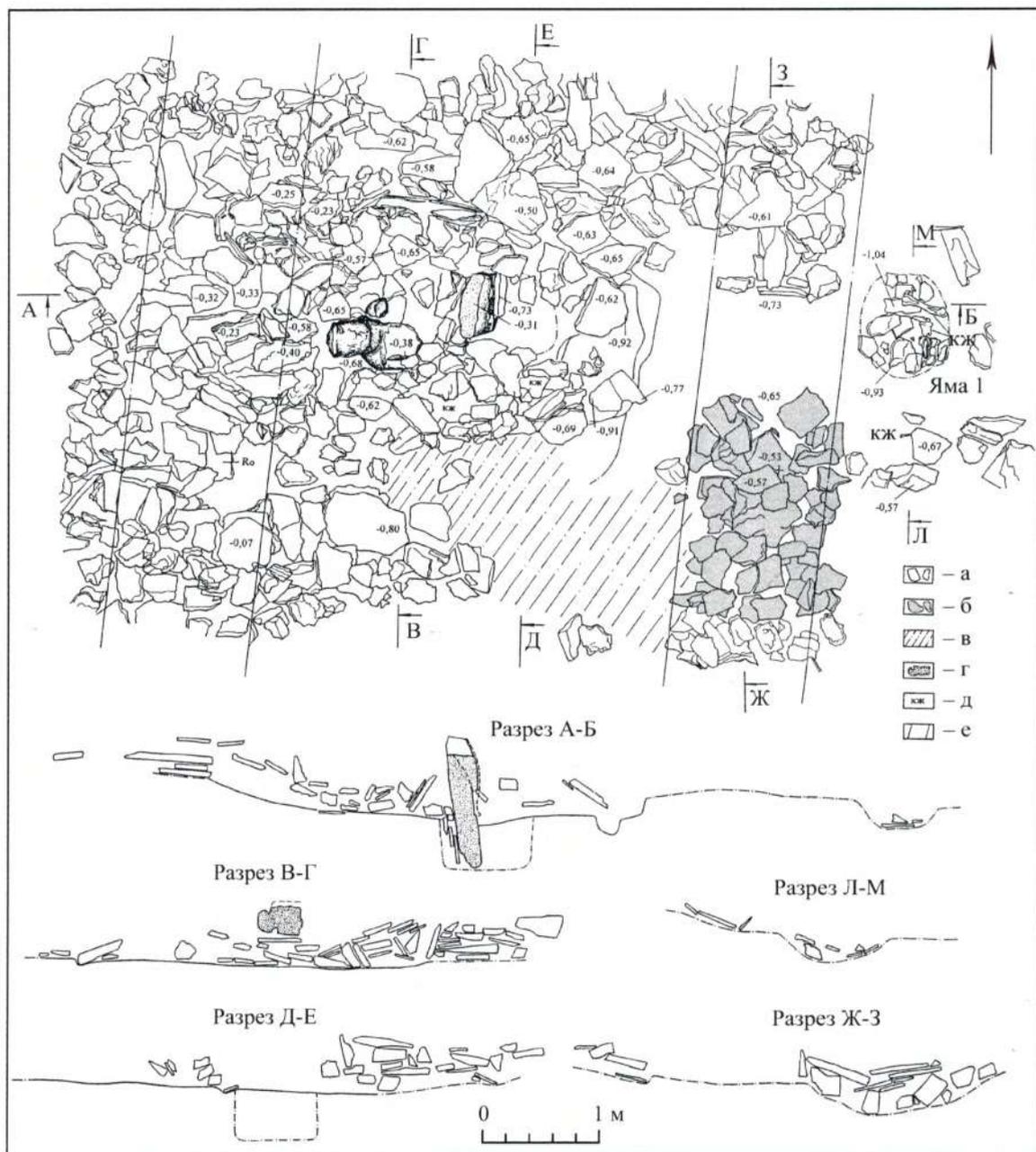

Рис. 4. План и профили святилища из кургана 7 могильника Репный I. Верхний уровень расчистки: а – камни; б – камни кромлеха в основании восточной стены постройки; в – разрушенный бульдозером участок завала; г – каменная статуя; д – кости животных; е – границы бровок.

Fig. 4. The layout and sections of sanctuary from barrow 7 of Repnyi I burial ground. The top level of clearing: а – stones; б – stones of cromlech in the basis of the eastern wall of the construction; в – a part of stone blockage destroyed by a bulldozer; г – a stone statue; д – bones of animals; е – borders of edges

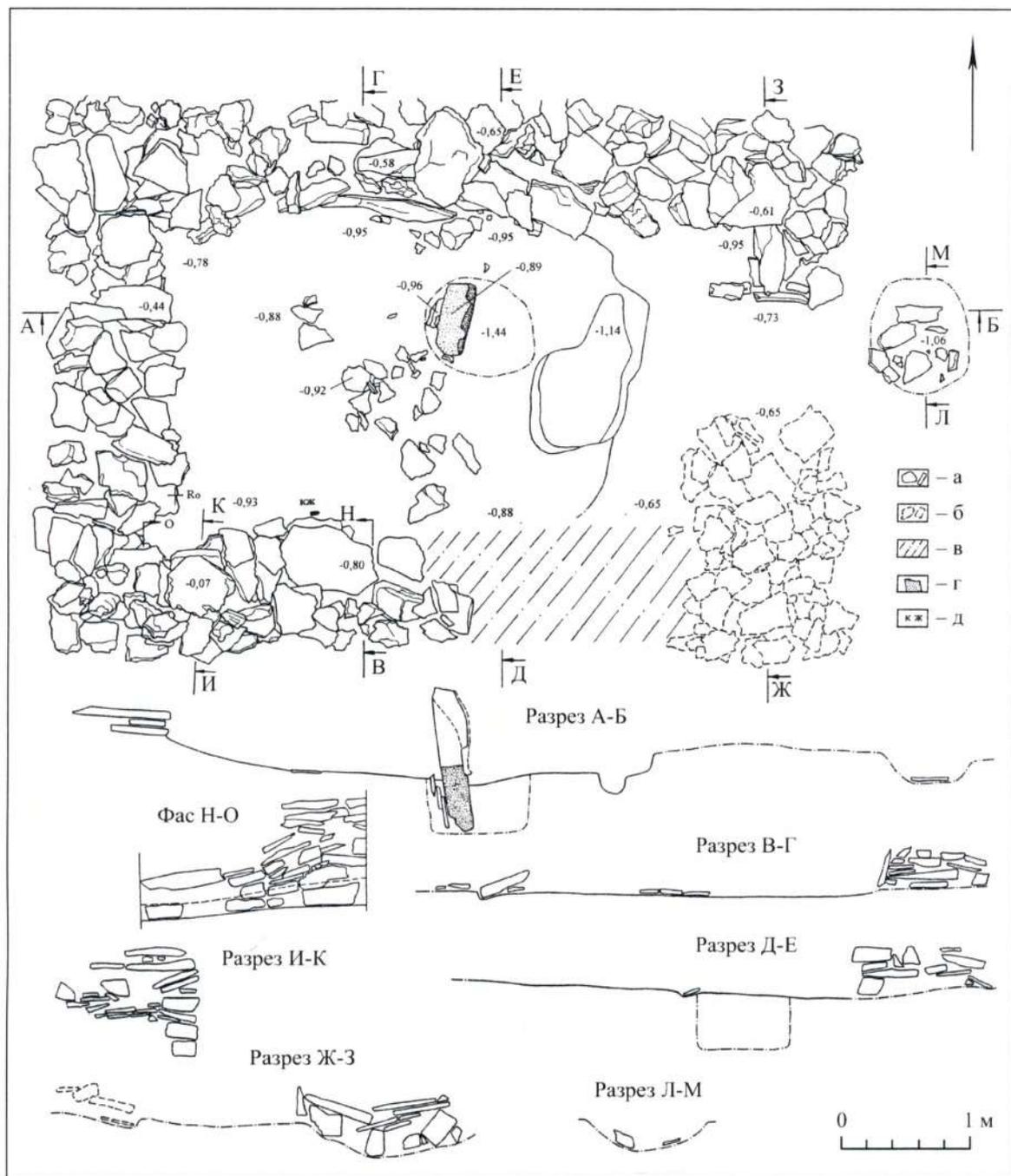

Рис. 5. План и профили святилища из кургана 7 могильника Репный I. Нижний уровень расчистки: а – камни; б – камни кромлеха в основании восточной стены постройки; в – разрушенный бульдозером участок завала и южной стены постройки; з – каменная статуя; д – кости животных.

Fig. 5. The layout and sections of sanctuary from barrow 7 of Repnyi I burial ground. The bottom level of clearing: а – stones; б – stones of cromlech in the basis of the eastern wall of the construction; в – a part of the southern wall of the construction destroyed by a bulldozer; з – a stone statue; д – bones of animals

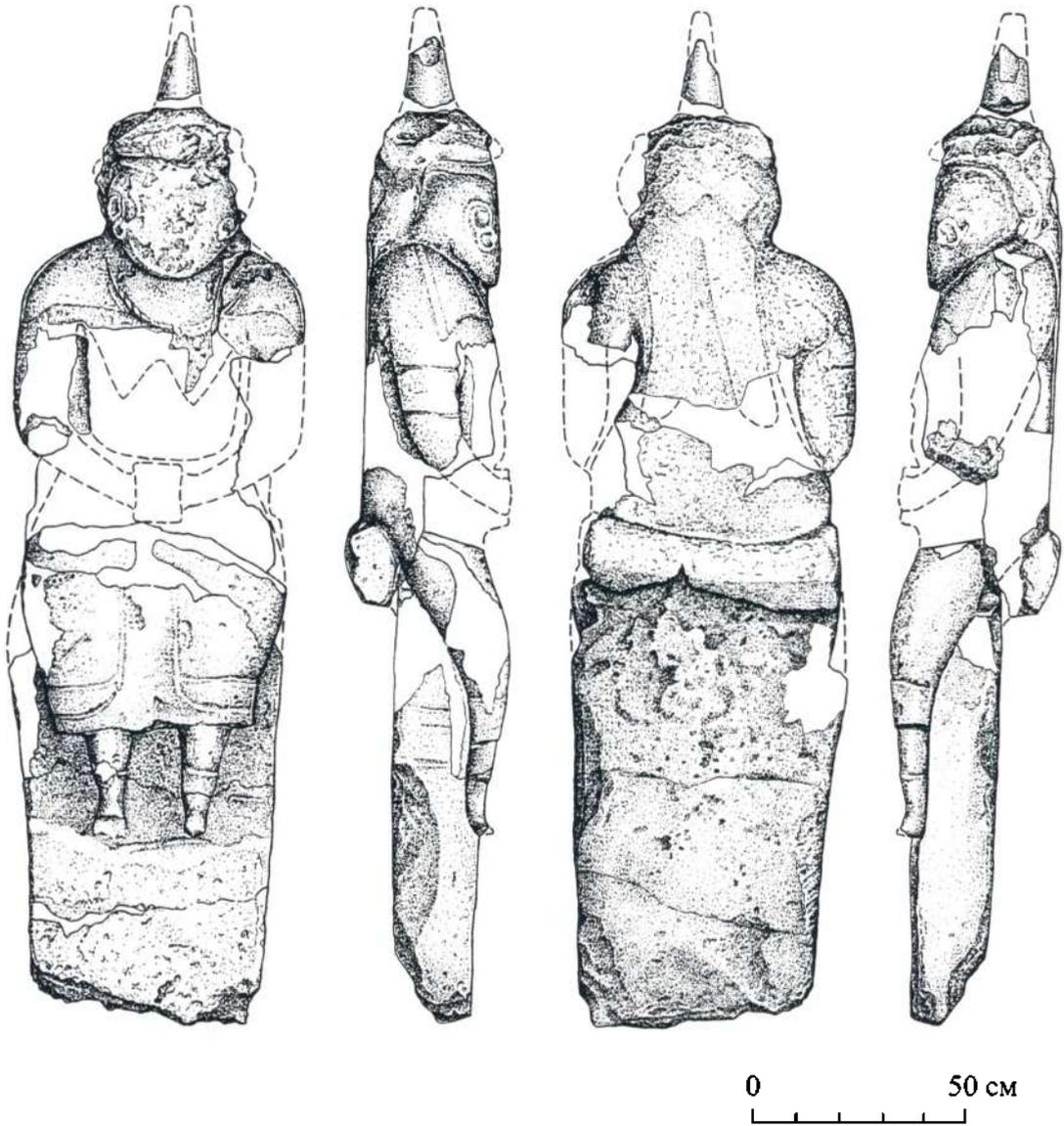

Рис. 6. Каменная статуя из святилища в кургане 7 могильника Репный I.
Fig. 6. A stone statue from the sanctuary in barrow 7 of Repnyi I burial ground

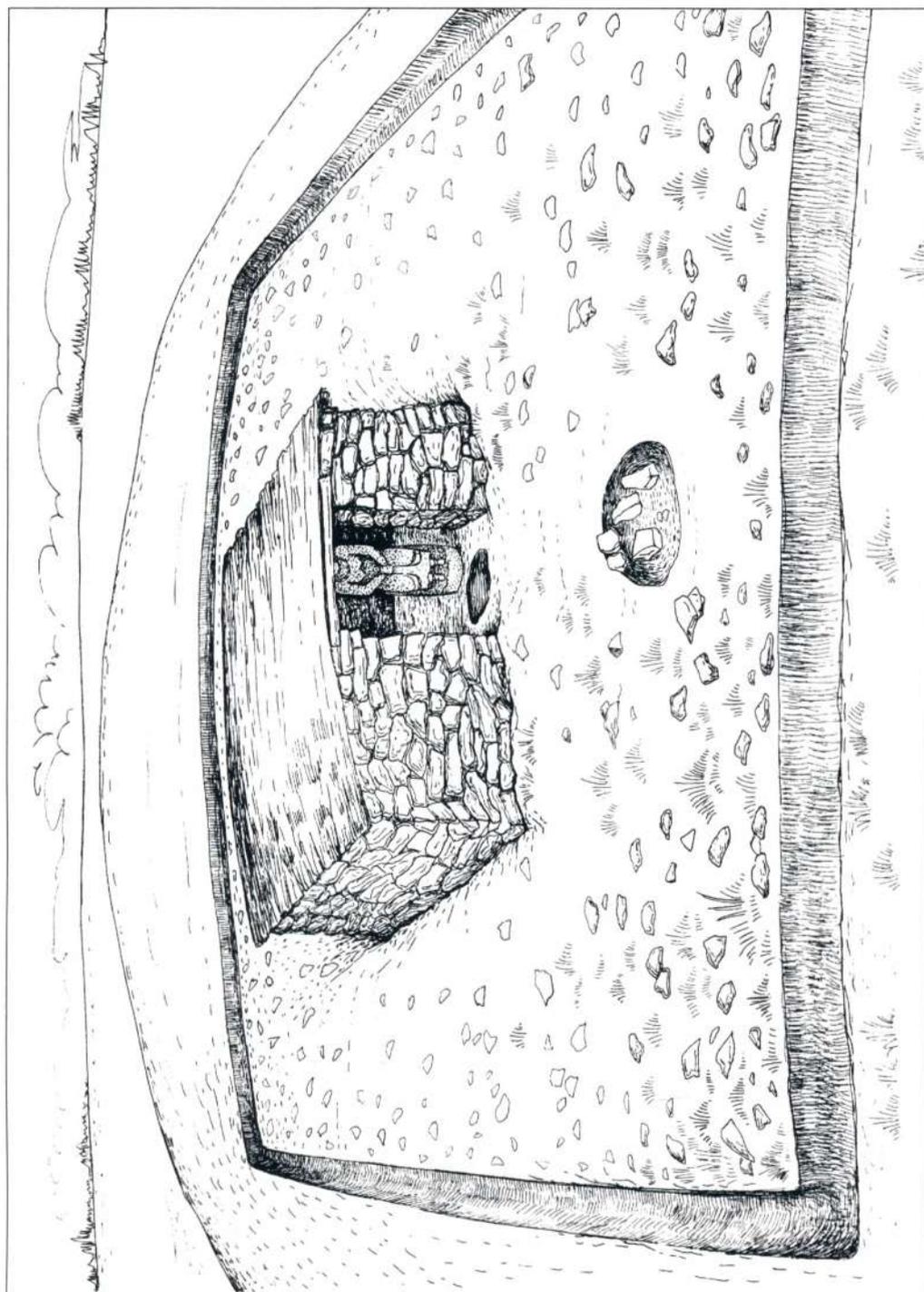

Рис. 7. Святилище из кургана 7 могильника Репный I. Вариант реконструкции в виде дома (рисунок Г.А.Козюменко).

Fig. 7. The sanctuary from barrow 7 of Repnyi I burial ground. A variant of reconstruction in the form of a house (G.A.Koziumentenko's drawing)

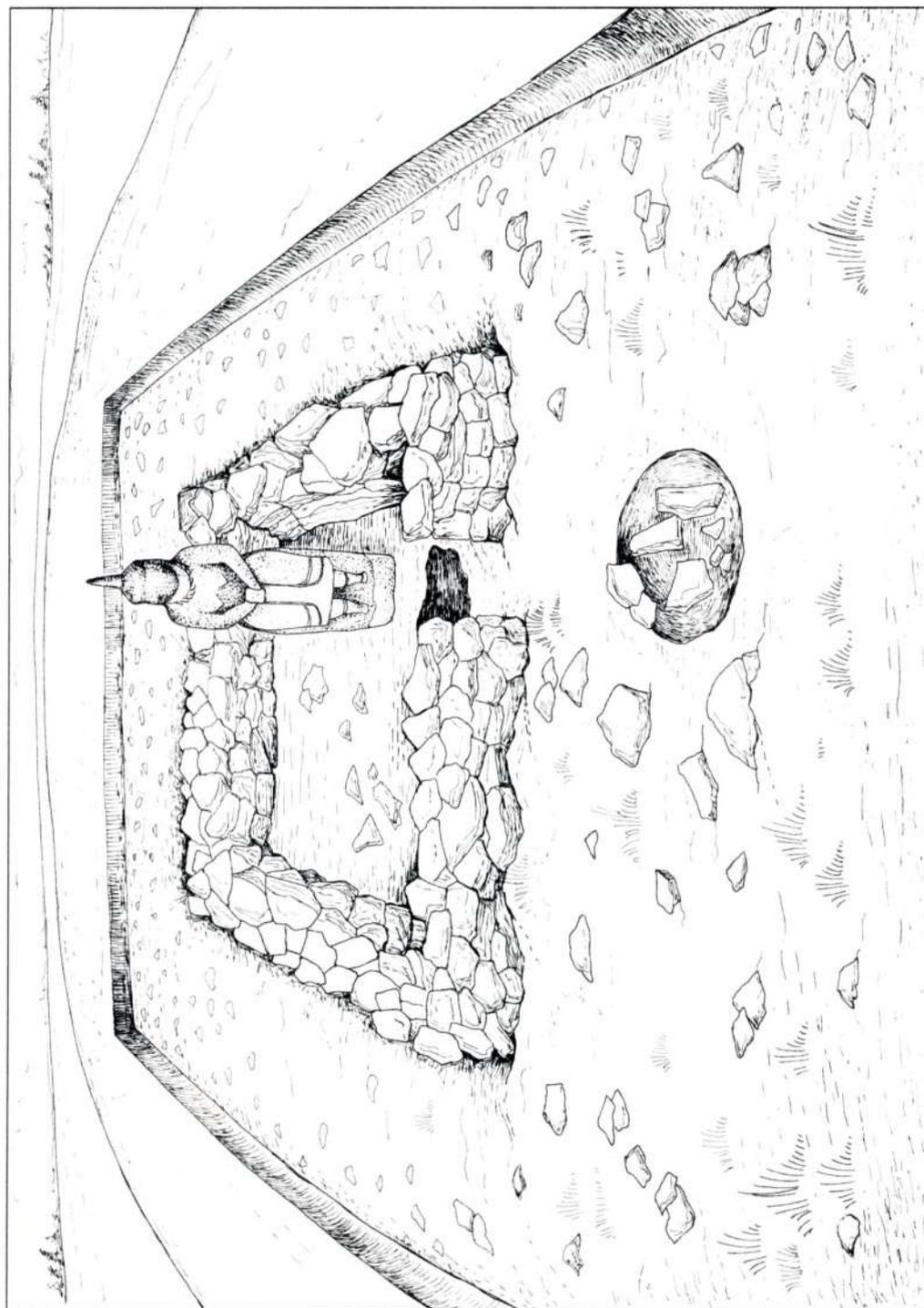

Рис. 8. Святилище из кургана 7 могильника Репный I. Вариант реконструкции в виде оградки (рисунок Г.А.Козюменко).

Fig. 8. The sanctuary from barrow 7 of Repny I burial ground. A variant of reconstruction in the form of a fence (G.A.Koziumenko's drawing)

Рис. 9. Святилище из кургана 7 могильника Репный I. Общий вид с востока и сверху после разборки завала.

Fig. 9. The sanctuary from barrow 7 of Repnyi I burial ground. A general view from the east and from above after the blockage was dismantled

Рис. 10. Святилище из кургана 7 могильника Репный I. Кладка западного участка южной стены. Вид с севера.

Fig. 10. The sanctuary from barrow 7 of Repnyi I burial ground. The masonry of the western part of the southern wall. A view from the north

Рис. 11. Святылище из кургана 7 могильника Репный I. Нижний обломок статуи; пол постройки и плита у северной стены. Вид с юго-востока.

Fig. 11. The sanctuary from barrow 7 of Repnyi I burial ground. The bottom fragment of a statue; the floor of the construction and a plate near its northern wall. A view from the southeast

Рис. 12. Святылище из кургана 7 могильника Репный I. Вход в святылище и яма снаружи у восточной стены. Вид с юго-востока.

Fig. 12. The sanctuary from barrow 7 of Repnyi I burial ground. An entrance in the sanctuary and an outside pit near its eastern wall. A view from the southeast

Рис. 13. Святилище из кургана 7 могильника Репный I. Обломки статуи в завале центральной части комплекса. Вид с юго-запада.

Fig. 13. The sanctuary from barrow 7 of Repnyi I burial ground. Fragments of the statue in the blockage of the central part of the complex. A view from the southwest

Рис. 14. Святилище из кургана 7 могильника Репный I. Кости животного и камни в яме у входа в постройку. Вид с юга.

Fig. 14. The sanctuary from barrow 7 of Repnyi I burial ground. Animal bones and stones in an entrance pit near the construction. A view from the south

Литература и архивные материалы

- Гераськова Л.С., 1991. Скульптура середньовічних кочовиків степів Східної Європи. К.
- Глебов В.П., 2004. Исследования курганных могильников Репный I, Раскатный I, Калинов II// Труды Археологического научно-исследовательского бюро. Т.1. Ростов-на-Дону.
- Гугуев Ю.К., 2001. Половецкое святилище необычной конструкции на Северском Донце// Донская археология. № 3-4. Ростов-на-Дону.
- Гугуев Ю.К., Гуркин С.В., 1999. Половецкое святилище середины XI-XIII вв. на правом берегу Нижнего Дона// История и культура народов степного Предкавказья и Северного Кавказа: проблемы межэтнических отношений. Ростов-на-Дону.
- Досымбаева А., 2002. Мерке – сакральная земля тюрков Жетысу. Тараз.
- Ермоленко Л.Н., 1994. О семантике средневековых кочевнических святилищ со скрытыми в насыпях изваяниями// Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I-II тысячелетии н.э. Кемерово.
- Ермоленко Л.Н., 2004. Средневековые каменные изваяния казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения). Новосибирск.
- Ермоленко Л.Н., Гецова Н.С., Курманкулов Ж.К., 1985. Новый вид сооружений с изваяниями из Центрального Казахстана// Проблемы охраны археологических памятников Сибири. Новосибирск.
- Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К., 1992. Центрально-казахстанские памятники с изваяниями кыпчакского облика// Маргулановские чтения (тезисы). Петропавловск.
- Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К., 2002. Святилище на реке Жинишке и проблема первоначального вида кыпчакских изваяний// Археология, этнография и антропология Евразии. 3(11). Кемерово.
- Красильников К.И., Тельнова Л.И., 2000. Половецкие изваяния Среднего Подонцовья: типология, эволюция, хронология (по материалам коллекций Луганской области)// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.1. Донецк.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005. Степные империи древней Евразии. СПб.
- Новгородова Э.А., 1989. Кыпчакские святилища на юге Казахстана (Сандыкский перевал, г.Мерке)// Ученые записки комиссии по изучению памятников цивилизаций древнего и средневекового Востока (археологические источники). М.
- Плетнева С.А., 1974. Половецкие каменные изваяния// САИ. Вып.Е4-2.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.

Summary

Yu.K.Guguiev (Rostov-upon-Don, Russia)

POLOVTSIAN SANCTUARY ON SEVERSKII DONETS RIVER (PROBLEM OF RECONSTRUCTION OF INITIAL VIEW OF CULT COMPLEX)

In autumn 2000 in Kamensk region of Rostov province on a watershed of Severskii Donets and Likhaia rivers in Repnyi I burial ground a large barrow of the Bronze Age containing the remains of a Polovtsian sanctuary was explored. It was a quadrangular stone construction 1 m beneath the mound surface, oriented to the cardinals, with an entrance from the east. Its walls had been built from flat wild stone using clay mortar; the dirt floor was covered with clay. Inside the construction there was a shell limestone statue standing vertically and facing an entrance, subsequently broken into several large

fragments. In front of it a pit had been dug out in the floor. Another shallow sacrificial pit containing horse bones was outside near the entrance.

The statue from the sanctuary is female, standing, and made using the technique of round volumetric sculpture. It refers to III6 type by S.A.Pletniova's classification which permits to date the whole complex back to the 12th – early 13th century.

Earlier the author of the paper believed that originally the sanctuary had been a low stone house. However, now there is every reason to reconstruct it as a fence similar to memorial fences of the 11th-13th cc. Kazakhstan Kypchaks. Some structural features of the sanctuary and the remains of the ritual registered in it testify to a short period of functioning of this cult complex and its deliberate ritual destruction by the participants of the ceremony, which further emphasizes the similarity of the Don monument to the Kazakhstan ones. Thus, the archaeological finds give one more argument in favour of religious and cultural affinity of the Polovtsy of Eastern European steppes and the Asian Kypchaks ethnically kindred to them.

Статья поступила в редакцию в октябре 2008 г